

ПРАВДА ГРОЗНОГО ЦАРЯ

Автор: pavel
14.12.2019 17:01 -

В. Г. МАНЯГИН

ПРАВДА ГРОЗНОГО ЦАРЯ

ЧАСТЬ II

НА БАРРИКАДАХ ИСТОРИИ



ПРОДОЛЖЕНИЕ

Новый подданный Иоанна совместно с Даниилой Адашевым, братом временщика, совершил набег на Крым, раздразив будущего разорителя Москвы Девлет-Гирея. В то же время сам временщик Алексей Адашев фактически сорвал переговоры с представителями Ливонского ордена, что привело к началу военных действий в Прибалтике. Россия оказалась втянутой в войну на два фронта, чего так стремился избежать государь. Мало того, в разгар наступления в Ливонии Адашев заключает с Орденом перемирие, за время которого рыцари успевают сговориться с Польшей. В результате «блистательной» дипломатии Адашева Россия встретила 1560 год в окружении врагов: Крыма, Польши, Литвы, Ливонии и Швеции.

Неудачи «Избранной Рады» во внешней и внутренней политике, превышение Адашевым своих полномочий в сношениях с иностранными государствами и его открытое неподчинение царской воле стали основными причинами падения временщиков. Но были и другие.

В конце 1559 года царь собрался с больной женой (Анастасией Романовой) на богомолье. Сильвестр, как обычно, стал препятствовать поездке царской семьи по монастырям. Тогда произошло решительное столкновение, подробности которого неизвестны. Тринадцатилетнее правление «дуумвирата» близилось к закату. В июле 1560 года А. Адашев был послан в Ливонию третьим воеводой Большого полка. Для честолюбца это назначение было ссылкой. Сильвестр же «добровольно» удалился в Белозерский монастырь.

Однако последний акт драмы был еще впереди. Седьмого августа 1560 года, после длившейся девять месяцев болезни, скончалась любимая всеми, кроме Сильвестра и Адашева, царица Анастасия. Как считал царь (и его подозрения подтвердились современными исследованиями), царица была отравлена. Под подозрение попали временщики и княгиня Ефросиния Старицкая. Для вынесения приговора был созван специальный собор бояр и духовных лиц. Митрополит Иоанн (Снычев) отмечает: «Произведенное дознание показало, что нити заговора тянутся к опальным вельможам — Адашеву и Сильвестру. Смерть царицы, по замыслу отравителей, должна была положить конец высокому положению при дворе ее братьев (Захарьиных), в которых видели опасных конкурентов в борьбе за власть. И снова Иоанн пощадил жизнь заговорщиков. Сильвестр был сослан в Соловки, а Алексей Адашев взят под стражу в Дерпте, где и умер вскоре естественной смертью от горячки, лишив будущих историков возможности лишний раз позлословить о «терроре» и «жестокости» царя».

6. Царь правды

«Синклит» пал, и боярское правление, наконец, закончилось. Но схватка между державной политикой царя и сепаратизмом удельных князей не затихла, а ожесточилась и привела к открытому политическому противостоянию.

Каким вступил в эту борьбу Иоанн? Мрачным тираном на троне? Деспотом, окруженным всеобщей ненавистью? Вот что писал о своем государе русский современник: «Обычай Иоаннов есть соблюдать себя чистым пред Богом. И в храме, и в молитве уединенной, и в совете боярском, и среди народа у него одно чувство: «Да властвую, как Всевышний указал властвовать своим истинным помазанникам!» Суд нелицеприятный, безопасность каждого и общая, целостность порученных ему государств, торжество веры, свобода христиан есть всегдашняя дума его. Обремененный делами, он не знает иных утех, кроме совести мирной, кроме удовольствия исполнять свою обязанность; не хочет обыкновенных прохлад царских... Ласковый к вельможам и народу — любя, награждая всех по достоинству — щедростию искореняя бедность, а зло — примером добра, сей Богом урожденный царь желает в день Страшного суда услышать глас милости: «Ты еси царь правды!»

Русским свидетельствам вторят иностранцы: «Иоанн затмил своих предков и могуществом и добродетелью; имеет многих врагов и смиряет их. Литва, Польша, Швеция, Дания, Ливония, Крым, Нагаи ужасаются русского имени. В отношении к подданным он удивительно снисходителен, приветлив; любит разговаривать с ними, часто дает им обеды во дворце и, несмотря на то, умеет быть повелительным; скажет боярину: «Иди!» — и боярин бежит; изъявит досаду вельможе — и вельможа в отчаянье; скрывается, тоскует в уединении, отпускает волосы в знак горести, пока царь не объявит ему прощения. Одним словом, нет народа в Европе более россиян преданного своему государю, коего они равно и страшатся и любят. Непрестанно готовый слушать жалобы и помогать, Иоанн во все входит, все решит, не скучает делами и не веселится ни звериною ловлей, ни музыкою, занимаясь единственно двумя мыслями: как служить Богу и как истреблять врагов России!»

Вот что записал наблюдательный немец Сигизмунд Герберштейн, посол императора Максимилиана: «Тому, кто занимается историей его [Иоанна IV] царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями

только посредством снисходительности и ласки. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже высказывал во время войны невероятную твердость при защите и охране крепостей, а перебежчиков вообще очень мало. Много, напротив, нашлось во время этой войны таких, которые предпочли верность князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам».

Венецианский посол Липпомано писал об Иоанне как о праведном судье в 1575 году, то есть уже после всех якобы совершенных Грозным «зверств». Другой венецианец, Фоскарини, «говорит с похвалой о правосудии, совершаемым этим несравненным государем при помощи простых и мудрых законов, о его приветливости, гуманности, разнообразности его познаний, о блеске двора, о могуществе армии и отводит ему одно из первых мест среди властителей того времени».

«Торговые люди» из германского города Любека, побывав в России, также превозносили гуманность Грозного. Вероятно, современному читателю представляется странным соединение слов «гуманность» и «Грозный». Здесь надо особо сказать, что Иоанн Васильевич получил это прозвище от современников не за жестокость, а за страх, который он внушил врагам России своими победами над Казанью и Астраханью, Крымом и Ливонией, Польшей и Литвой.

Более того, прозвище царя не уникально. Его дед, тоже Иоанн Васильевич, так же был прозван Грозным. Истории известен тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи (XIV в.). Как и Иоанн IV, он был грозен не своим подданным, а врагам Отечества. Русский народ воспринимал эту ипостась высшей власти как некую Божественную стихию: «Не мочно царю без грозы быти; как конь без узды, так и царство без грозы».

Конечно, как и каждому правителю, Иоанну приходилось чинить суд и расправу, однако суд этот был не только законный и справедливый, но и милостивый. Даже историки, откровенно необъективные по отношению к Грозному, вынуждены признать, что хотя после опалы Сильвестра и Адашева их высокородные покровители пытались путем интриг вновь вернуть временщиков к власти и такие попытки повлекли «репрессии» со стороны царя, «однако, эти репрессии еще не доходили до кровавых казней». Гонения получили решительный характер только в связи с «отъездом бояр».

Иначе говоря, пока интриги были направлены против царя лично, Иоанн, «опалаясь на провинившихся», просто отсылал их от себя, чтобы они «не зрели лица государя». Но

когда политические противники Иоанна, уезжая в Литву или Польшу, совершали государственную измену, в силу вступал закон. Причем перебежчики осуждались не по прихоти царя, а по приговору Боярской Думы. Государственная измена во время войны везде и всегда каралась строго. Как писал сам Иоанн: «Казнили одних изменников — и где же щадят их?» И, как во все времена, предатели не брезговали добывать себе кусок хлеба (а то и поместье) грязной ложью на свою Родину и государя.

После первых же побед России в Прибалтике по Европе расползлись слухи о «кроважном» царе Иване и его «адских татарах», бесчинствующих на земле Ливонии. «Тут было все: и женщины, изнасилованные до смерти, и дети, вырванные из чрева матерей, и сожженные жилища, и уничтоженный урожай», — пишет поляк Валишевский, но сам же, словно очнувшись от охватившего его морока, продолжает: «быть может, в местных летописях есть некоторые преувеличения», и потому «для установления событий этой войны ливонские или немецкие источники не внушают к себе доверия».

И действительно, творцы слухов пытались, что называется, валить с больной головы на здоровую. На самом деле отношения русских с ливонцами складывались совсем иначе. На территории Ливонского ордена русские люди и в мирное время были всегда в положении вне закона. Тюрьма была лучше, на что они могли рассчитывать в Ливонии. Путешественник Михалон Литвин сообщает, что «у ливонцев московитов убивают, хотя московиты и не заняли у них никаких областей, будучи соединены с ними союзом мира и соседства. Сверх того, убивший московита, кроме добычи с убитого, получает от правительства известную сумму денег». То есть хороший московит — мертвый московит? Мы это где-то уже слышали. Интересно, что представляли властям «цивилизованные европейцы» в качестве доказательства совершенного подвига: скальп московита или православный крестик?

Так может быть, русские, начав войну, жестоко мстили прибалтам за прошлые обиды? Но факты говорят об ином. Вступив в Ливонию, русские войска не встретили серьезного сопротивления: местное население не стремилось защищать своих немецких хозяев. Одержав ряд значительных побед, русские согласились на перемирие. Более того, Иоанн простил Ливонии большой денежный долг, послуживший поводом к войне, и не стал взыскивать с побежденных контрибуцию «ввиду истощения края». Явление беспрецедентное для истории войн!

Однако немецкий гарнизон Нарвы сорвал перемирие и напал на русский отряд. Военные действия возобновились, и, взятая 11 мая 1558 г., Нарва по справедливости оплатила долги всей Ливонии. Край был присоединен к России.

И тут же получил особые льготы. Городам Дерпту и Нарве были даны: полная амнистия жителей, свободное исповедание протестантизма, городское самоуправление, судебная автономия и беспошлинная торговля с Россией. Разрушенную после штурма Нарву стали восстанавливать и даже предоставили ссуду местным землевладельцам за счет царской казны.

Все это показалось столь соблазнительно для остальных ливонцев, еще не завоеванных «адскими татарами», что к осени под власть «кровавого деспота» **добровольно** перешли еще 20 городов. Едва ли такое могло произойти, если хотя бы четверть приписываемых русским зверств имели место на самом деле.

Милосердие к побежденным было типичным для русской армии: когда в 1563 г. царь отвоевал у поляков старинный русский город Полоцк, то отпустил с миром вражеский гарнизон, одарив каждого поляка собольей шубой, а городу сохранив судопроизводство по местным законам.

Но милосердие не спасло царя от клеветы. В августе 1560 г. был взят в плен гроссмейстер Ливонского ордена Фюрстенберг. Западные мемуаристы красочно описывают, как гроссмейстер вместе с другими военнопленными был отправлен в Москву, где их провели по улицам, избивая железными палками (в палки еще можно поверить; но железными! Как будто в России дерева мало. — *В.М.*), а затем пытали до смерти и бросили на съедение хищным птицам.

Посрамляя клеветников, «замученный» Фюрстенберг через 15 лет после своего «зверского убийства» восстал из мертвых и послал (в 1575 г.) своему брату письмо из Ярославля, где бывшему гроссмейстеру была пожалована земля. Он сообщает родственнику, что «не имеет оснований жаловаться на свою судьбу».

Вполне понятно, что в XVI веке на поклепы нашлось достаточно заказчиков, и сочинители злобных баек о царе Иоанне не сидели без работы. Интереснее то, что маститые историки XIX–XX вв. не постеснялись повторить эти явные вымыслы в своих трудах. 1560 год был объявлен ими годом превращения царя в безжалостного деспота, развязавшего кровавый террор против своих подданных.

Однако, в документах того времени нигде не упоминается ни о пытках, ни о казнях. «Политические процессы» обычно оканчивались предупредительными мерами. Опасаясь княжеских измен, царь Иоанн потребовал от вельмож целовать крест на верность. Все присягнули. И тут же бежал за рубеж бывший протеже Адашева князь Дмитрий Вишневецкий, воевода юга России. Трижды предатель, изменив Польше, он теперь изменил России, но, вновь не ужившись с Сигизмундом, бежал в Молдавию и, устроив там неудачный государственный переворот, попал в руки турецкого султана. Вишневецкий был казнен в Стамбуле как смутьян и бунтовщик. Надо ли говорить, что для историков и этот авантюрист есть жертва «московского деспота»? Вслед за ним бежали за рубеж князья Алексей и Гаврила Черкасские.

Новые недовольства князей вызвал царский указ от 15 января 1562 года об ограничении их вотчинных прав, еще больше, чем прежде, уравнивавший их с поместным дворянством. Измена разрасталась, но царь по-прежнему проявлял милосердие каждый раз, когда это было возможно. Дважды пытался бежать за рубеж и дважды был прощен И. Д. Бельский, были пойманы при попытке к бегству и прощены князь В. М. Глинский и князь И. В. Шереметев. Изменили и перебежали к врагу во время боевых действий зимой 1563 года боярин Колычев, Т. Пухов-Тетерин, М. Сарохозин. Вступил в сговор с поляками, но был помилован наместник г. Стародуба князь В. Фуников.

Карамзин и его последователи оправдывали нарушение присяги и бегство к врагу опасением за свою жизнь: «Бегство не всегда есть измена; гражданские законы не могут быть сильнее естественного: спастись от мучителя...». Не говоря уже о том, что само бегство было следствием сговора с врагом и нарушения присяги, действительно ли все эти беглецы были вынуждены спасать свою жизнь? Мы уже видели, что наказание перебежчикам, попавшимся к нему в руки, Иоанн ограничивал опалой или ссылкой. Но, может быть, кто-то пострадал от «тирана» более серьезно?

Костомаров повторяет вслед за Курбским рассказ о казни в 1561 году Ивана Шишкина с женой и детьми, тогда как в работе Зимина мы можем прочесть, что через два года после казни, в 1563 году Иван Шишкин служит воеводой в городе Стародубе. Тот же Костомаров, снова ссылаясь на Курбского, сообщает о ссылке и казни князя Д. Курлятева с семьей, но другие источники упоминают лишь об опале.

Уже упоминавшийся Иван Васильевич Шереметев, по Карамзину (как обычно вторившему измышлениям Курбского), был закован в «оковы тяжкие», посажен в

«темницу душную», «истерзан царем-извергом». Выйдя из тюрьмы, Шереметев спасся, якобы, только тем, что постригся в монахи Кирилло-Белозерского монастыря. Но и там «изверг-царь» преследовал бывшего боярина и выговаривал игумену за «послабления» несчастной жертве. Причитания историографа Государства Российского не имеют ничего общего с истиной.

Реальная история «несчастной жертвы» такова: в 1564 году Шереметев пытался бежать за рубеж, но был схвачен, однако вскоре Иоанн простил его и освободил из-под стражи. После того боярин по-прежнему исполнял свои государственные обязанности: в течение нескольких лет заседал в Боярской Думе! Неплохо для человека, только и думающего о спасении.

В 1571 г. Шереметев командовал войсками во время войны с крымцами, и лишь затем, почти через 10 лет после неудавшегося побега, ушел в монастырь, где «устроился довольно комфортабельно», игнорируя монастырский устав и вводя в соблазн монахов, на что и гневался в своем письме (1575 г.) Грозный. И все это называется у Карамзина «жить в постоянном страхе» и «спастись в монастыре».

7. Отец лжи

Из вышеизложенного видно, что практически все «свидетельства жестокости» этого периода основываются на письмах и сочинениях Курбского, достоверность которых очень сомнительна и на которые невозможным полагаться как на серьезный источник. Таким образом, злобная клевета известного беглеца сыграла огромную роль в искажении истории царствования Иоанна IV Васильевича. Впрочем, надо сказать, что для клеветы у него были свои основания.

Князь Курбский был прямым потомком Рюрика и Святого равноапостольного князя Владимира, причем по старшей линии (тогда как Грозный — по младшей), и потому считал себя вправе претендовать на «шапку Мономаха» и на русский престол. Но, за невозможностью последнего, соглашался хотя бы на «Великое Ярославское княжество».

Карамзин, а вслед за ним и многие другие авторы голословно провозгласили князя

ПРАВДА ГРОЗНОГО ЦАРЯ

Автор: pavel
14.12.2019 17:01 -

Андрея выдающимся государственным деятелем и великим полководцем. Считается, что царь ненавидел Курбского за его дружбу с временщиками, обвинял в отравлении царицы Анастасии и только и ждал случая с ним разделаться. Видимо поэтому Иоанн назначил «ненавистного» Курбского командующим 100-тысячной армией в Ливонии. Падение правительства Сильвестра — Адашева никак не повлияло на карьеру князя. В течение двух последующих лет он не услышал от государя не то что угрозы, но и дурного слова.

Но в августе 1562 года «великий полководец XVI века», лично командуя 15-тысячным корпусом, потерпел под Невелем сокрушительное поражение от четырех тысяч поляков. Валишевский пишет, что поражение было «подготовлено какими-то подозрительными сношениями» Курбского с Польшей. К ним добавились «несколько подозрительные сношения со шведами»

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ